

АЛЁША

– Алёшу забрали весной. Мы провожали его всей компанией. Помню, Витька так напился, что полез купаться в ванну и при этом кричал, что ему жарко, что перед службой в Афгане нужно обязательно искупаться дома, чтобы там было не жарко.

В нашей компании Алёша был самым весёлым и бесшабашным. Он никогда не грубил и не хамил девчонкам. А тот случай с Наташкой, когда он защищал её от троих. Ему здорово тогда досталось. Он лежал в больнице целый месяц, а мы ходили к нему и кормили его клубникой и яблоками с соседних огородов. Мы оборвали все яблоки и ягоды для Алёши, и бабки долго поминали нас недобрым словом.

А потом, как-то зимой, когда мы расходились поздно вечером по домам, он пошёл меня провожать, и мы до утра стояли в подъезде, и он первый раз поцеловал меня тогда. А потом всё завертелось. Ребята вначале посмеивались, но скоро перестали, увидев, что у нас всё серьёзно.

Мне с ним было очень легко. Алёша был добрый и внимательный, а наедине со мной он становился ещё лучше, чем с ребятами в компании. Он очень беспокоился за меня. Я тогда не ладила с отцом. Мы часто с ним ругались. Тот приходил домой пьяный и начинал издеваться над мамой. Мама у меня хорошая, но какая-то слабовольная. Он издевался над ней, а она терпела: «Доченька, а что ж сделаешь, он же отец». В гробу я видала таких отцов. Я и Алёше об этом сказала: «Если меня хоть раз пальцем тронешь, я уйду от тебя».

Алёша вырос без отца. Мать всю жизнь работала на фабрике. Кроме него в семье ещё двое. Алёше тоже было нелегко. Мать на работе, а он с сестрёнками возился: и в сад отведёт, и накормит. Девочки его очень любили. Младшая букву «р» не выговаривала и вместо «братик» говорила «батик». Придёшь к ним домой и уже слышишь с порога: «Батик, а у моей Ляльки опять нога заболела». Или: «Батик, почитай мне сказку». Любил он сестёр. Но и строг был с ними...

Жить мы с ним стали за три месяца до армии. Он был у меня не первый. Но только с ним я почувствовала себя женщиной. Он хотел, чтобы я родила ему сына, но берёг меня. Говорил, за два года многое может случиться. Я тогда не думала об этом. И даже обижалась на него. Всё казалось, не верит он мне. А он как-то повзрослел за эти последние дни перед армией. Ответственность что ли почувствовал, а может, предчувствовал уже что-то. Я, дура, ничего не чувствовала. Я была счастлива. Эх, знать бы, не отпустила бы его никуда. Обняла бы, прижала к себе, и никто бы, никто бы меня не оторвал от него.

– Заплачу сейчас. Вы простите меня. Больно, очень больно. Год прошёл, а привыкнуть никак не могу. Всё кажется, вот сейчас войдёт и скажет: «Привет, Светик! Чего грустишь, нос повесила?» А то хохма у него была. Он в шапке ходил – лохматая такая. Сзади ко мне тихонечко подойдёт и на голову мне её – бах – и кричит: «Мышь, мышь!» А я как завизжу и шапку сбрасываю, а его это так смешило. А я больше играла, потому что ему это нравилось. Он долго-долго смеялся после.

Мы с ним много говорили. Мечтали о будущем. Решили, что распишемся после армии, осенью. Даже дату назначили себе – первое сентября. Он шутил: «Люди в школу, а мы в жизнь семейную».

Он мне много писал. Чуть ли не по три письма в неделю, а то и каждый день. Очень он скучал без меня. Я чувствовала это и старалась в письмах, как могла, его успокоить и приласкать. Он мало писал об армии. Больше о том, что любит меня. Да вспоминал ребят, как мы гуляли. Там он начал писать свои первые стихи. Я складывала его письма по порядку в коробку из-под конфет, и когда мне особенно было тяжело и тоскливо, перечитывала их одно за другим.

Он скоро должен был приехать. До приказа оставалось меньше ста дней.

– Не могу. Простите пожалуйста, – она вышла из комнаты.

Минут через пять наш разговор возобновился.

– Я шла по улице от Наташки. Вдруг вижу, его мать идёт. Лицо белое-белое. «Теть Тань, что с вами?» – спрашиваю её. А она не отвечает, а только шепчет, шепчет что-то. Я прислушалась, слышу: «Алёшенька, сыночек, что же ты, как же ты?» Я как закричу. Она и очнулась, увидела меня, да как ойкнет и повалилась. Я её еле-еле удержала, хорошо, лавка рядом была. Усадила её. Платок у неё свалился с головы. Гляжу, а волосы седые. Я ещё подумала, чем это она красилась, вчера же были другие. А сама, дура, не могу ничего понять. Ну не доходит до меня ничего.

Очнулась она и говорит: «Нету Алёшеньки, Свет. Нету твоего Алёши». И как заплачет. Я её трясти стала. «Как это, – говорю, – нет». Дура была, ничего не понимала. «Убили его в Афгане». Как обухом по голове меня стукнули. Сижую и ничего не понимаю: где я, что я, ни слезинки. «Пошли, – говорю, – тетя Тань, домой. Девочки должны из школы прийти». Я тогда у них часто бывала. За девочками приглядывала вместо Алёши. Взяла я её под руку, повела домой. Как дошли, не помню. Ничего не помню. Сжалось у меня всё внутри. И сердце остановилось, как клещами его сжало – оно и не бьётся. Пришли мы к ней домой. Сели на диван, вот тут меня и прорвало... Соседи прибежали, скорую вызвали.

Хоронили его торжественно. Друзья приехали из части. Привезли его в закрытом цинковом гробу. Даже поглядеть на Алёшеньку последний раз не пришлось, а может и к лучшему, что не видела. Рассказали: он горячее вёз на бензовозе и на mine подорвался. Машина сразу факелом загорелась. Спасти не успели. Только военный билет обгорелый да орден Красной Звезды после него остались. Военком речь произнёс на могиле. «Интернациональный долг», – говорил. А мне-то какое до него дело.

Курить я тогда по-чёрному начала. Я раньше при Алёше только пробовала, но он сразу мне запретил, когда мы с ним стали гулять. Говорил: «Тебе рожать ещё». Я и бросила, а теперь какой смысл? Пусто всё без него. Наташка ко мне заходит. Единственное, что спасает – водка. Напьюсь, и легче кажется. Родители ругаются, а мне всё равно. Тут ко мне один какой-то пристал на улице. Я на него так поглядела, он от меня аж шарахнулся. «Чокнутая», – сказал.

Ночью особенно плохо. Приходит он ко мне. Всё разговаривает. Зовёт меня. Я его спрашиваю: «Куда идти?» А он: «Сама знаешь». Говорит, что скучает без меня: «Сколько времени прошло, а ты не приходишь». Измучилась я совсем. Всё кажется, что прийти должен. Никуда не хожу, всё жду его. Сижую дома и жду...

Наши пути со Светой разошлись. Больше я её не видел и не встречал. Что дальше было с ней – не знаю. Хочется верить, что она смогла хоть за что-то зацепиться в этой проклятой жизни.

ОЖИДАНИЕ

Он ждал, ждал её уже три часа. Ждал, изнывая от нетерпения, считая минуты, секунды до её прихода. Это были муки – адские муки, страшнее которых не придумать. Лучше сгорать заживо, чем вот так – меряя шагами комнату из угла в угол, ждать, ждать, ждать, когда придёт она. А в подсознании удерживать мысль, что она может и не прийти. Но пока эту мысль не допускать, шарахаясь от неё как от чумной, продолжая ждать, ждать и верить, переходя от отчаяния к надежде и наоборот.

Это кошмар – клетка, которую создаёт себе влюблённый человек сам. Клетка из прутьев радуги счастья, к которой стремится каждый, а когда попадает в неё, испытывает такие муки, которые несравнимы ни с чем. И всё это – ради минуты, секунды бешеного, сумасшедшего счастья, которое уносит человека на такие вершины, что он становится равен самому Богу и ему по плечу любое дело, любой подвиг. Человек становится сильным, добрым и великодушным.

Но это после, после как награда за долги, величиной в часы и годы ожидания путь. И он ждёт, ждёт, надеясь, что ожидания его не напрасны: награда воздастся сторицей. А сейчас, сейчас ждать, ждать, ждать. Взять своё сердце намертво, сжать его, чтобы не разорвалось от нетерпения.

Осталось полчаса. Ещё тридцать минут. Это тысяча восемьсот секунд. Как медленно, будто нехотя, ползут стрелки. Они словно прилипли к циферблату, и мужчина наклоняется, слушает мерный ход часов, а стрелки не двигаются. Но вот большая передвинулась на одно деление. Такое маленькое, но уже осталось не тридцать, а двадцать девять минут. Двадцать девять маленьких промежутков на циферблате и таких огромных, когда ждёшь. И каждый из них отсчитывается не только часами, но и сердцем.

Мужчина сел у окна. Она должна выйти из-за угла того дома. Но оттуда появляется какая-то бабка. И снова пустота. Город будто вымер, обезлюдел, и осталась только она одна и угол противоположного дома с обсыпанной штукатуркой и красными кляксами кирпичей.

Сколько же времени? Мужчина быстро встаёт и идёт к столу. Часы показывают без двадцати. Ещё двадцать минут! Двадцать минут. Господи! Как это много: двадцать минут! За это время можно сто раз умереть и воскреснуть. Он берёт часы, направляется к окну и ставит их рядом с собой на подоконник. Вот показалась какая-то женщина. Нет, не она. У неё не такая походка.

Мужчина обхватил голову руками, крепко сжал её и вперил свой взгляд в угол дома. Сейчас, сейчас она должна выйти. Вот, вот сейчас. «Я сосчитаю до ста, и она появится. ...90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99 – ну, ну же, тянет он, давая ей ещё несколько секунд. – Ну где же ты?! Сто!» Женщина не появляется. «Сколько же времени? Осталось десять минут. Десять минут! О Боже! Где ты?! Я тебя жду! Неужели ты не чувствуешь?! Я же жду тебя! Где ты?! Я измучился! Ну сколько же мне тебя ждать?! Приди! Приди, и я всё прощу, всё забуду».

Сколько же времени? Без пяти.

Время, казалось, увеличило свой бег.

Без четырёх.

Без трёх.

Куда ты так понеслось?!

Подожди, она ещё не вышла, наверное, из автобуса. Без двух. Ну где ты? Где?! Без минуты! Ровно десять часов. Из-за угла, словно в насмешку, вышел мужчина и не торопясь направился к дверям магазина.

В голове вихри мыслей сбились в сиротливую кучку и стали потихоньку сжиматься, куда-то утягиваться, а на их место стала закрадываться та мысль – такая подленькая, как предательство.

Она не приедет. Она просто не приедет.

Вот уже пять минут прошло. Десять.

Время рванулось вперёд со скоростью курьерского поезда. Можно было подумать, что кто-то специально подгоняет его. Двадцать минут, полчаса, час. Всё. Она действительно не придёт. И бесполезно было ждать. И мир меркнет. Меркнет в своём беззвучии, серости и обыденности. Мужчина как-то враз состарился, сгорбился и тяжело встал со стула. Он бросает последний, жалкий в своей надежде взгляд в окно и уходит, бредёт вглубь комнаты. Вначале он пытается чем-нибудь занять себя – берёт книгу. Но строчки сливаются в сплошные чёрные полосы, а затем ползут, ползут вниз кляксами его слёз. Книга падает из рук. Мужчина ложится на диван лицом к спинке, свернувшись калачиком, как зверь, который уполз в нору зализывать свои раны.

Она не пришла...

МАРИШКИН ОМУТ

Долго и безуспешно проплутав по лесу в поисках дороги домой, я вышел к незнакомому мне лесному озеру. Оно очаровало меня какой-то своей особенной, романтической красотой. На его берегу, заросшем камышом и осокой, стояла избушка, которая отражалась в зеркальной поверхности озера своими замшелыми стенами и покосившейся крышей. Кувшинки жёлтыми цветами, словно веснушками, усеяли всю его гладь и тихо колыхались от случайного ветерка, залетавшего сюда из леса.

Дверь избушки была приветливо распахнута, и солнечные лучи, проникая сквозь её проём, освещали тёплым закатным светом чистые, словно только что вымытые половицы пола. День клонился к вечеру, и ночевать в лесу, в его ночной сырости и темноте особого желания у меня не было. А тут – на тебе! – лесная гостиница. И я обрадовался неожиданному везению, решив заночевать здесь, отложив поиски дороги до утра.

Шагнув в распахнутую дверь, я вошёл в чистую комнатку. Деревянный лежак, укрытый пёстрым лоскутным одеялом, стоял у окна. Ещё здесь был стол с табуреткой, а на нём крынка молока, покрытая сверху приличной краюхой хлеба. Деревянная солонка, наполненная до краёв крупной солью, стояла тут же, на столе. В углу, при входе, висел глиняный умывальник на медной цепочке, а под ним стояла деревянная кадушка. Вот и всё убранство этой избушки.

Я снял рюкзак с плеча и, положил его в угол, вымыл руки и лицо. Затем, подумав, что хозяева вряд ли обидятся, сел за стол и с удовольствием поужинал. Почувствовав в теле сладкую усталость, я неторопливо встал из-за стола, поблагодарил хозяев, обращаясь к пустым стенам, и решил выйти на крыльцо покурить перед сном.

Устроившись на ступеньках и вынув сигарету из мятой пачки, я закурил, отгоняя дымом комаров, налетевших на меня со стороны озера. Я сидел и любовался природой, поджидая хозяев, но усталость дня давала себя знать, и, выкурив сигарету, я встал, потянулся с хрустом и, громко зевнув, решил идти спать, полагая, что ждать больше нечего и некого. Глаза были словно мёдом намазаны и слипались на ходу. Едва добравшись

до лежака, я упал на него, как подкошенный, и моментально провалился в глубокий сон.

Не представляю, сколько времени я проспал, но проснулся я от острого стука в окно. Сплю я чутко, поэтому стук этот я сразу услышал, и сон мой как рукой сняло. Я прислушался, но стук не повторился. Спать вдруг расхотелось. В маленькое оконце светили лучи закатного солнца, и я, решив, что неплохо бы прогуляться по лесу, встал и, выйдя из избышки, направился к ближайшим сосенкам, решив далеко не углубляться, а побродить вокруг озера.

Вечерело. По земле потянуло прохладой и свежестью. Ветер, вначале робко, затем всё смелее и смелее затянул колыбельную, пробегая по верхушкам деревьев. Последние лучи заходящего солнца нежно, едва касаясь своими ладошками, ласкали зелёные листья и траву, прощаясь с ними до утра. Я шёл по лесу без какой-либо цели и направления. Неожиданно впереди себя, за деревьями, я увидел девушку.

«Здесь, в этой глуши? Откуда она могла появиться? Не мираж ли?» – подумал я. Но мираж не рассеивался, и мне пришлось согласиться, что чудеса бывают не только в сказках. Я попытался догнать её, чтобы рассмотреть поближе. Первое, что мне бросилось сразу в глаза, – это её волосы, которые широкой пенной волной сбегали по плечам. И когда она наклонялась за очередным цветком, они ложились на траву, словно покрывало. И она вынуждена была каждый раз поправлять их рукой. В один из таких моментов девушка случайно оглянулась, как мне показалось, и увидела меня. Но не испугалась, а улыбнулась приветливо и ласково, словно старому знакомому.

Я догнал её и пошёл рядом. Сейчас, конечно, трудно это представить. Но тогда, много-много лет назад, окружающий нас вечерний лес, пение птиц, краски закатного солнца, сама природа и девушка с букетом цветов в руках удивительно, восхитительно красивая в своём совершенстве и чистоте, одетая во что-то воздушное, лёгкое, совершенно прозрачное... Всё это вместе создавало такую атмосферу вокруг, что я напрочь забыл про всё, что было до этого момента, до этой встречи, и погрузился, буквально утонув в каком-то нереальном мире-сне.

Слова казались лишними. Появилось ощущение, что мы знаем друг друга давно – просто не было возможности встретиться раньше, но пришло время, и мы встретились. И это было в порядке вещей. Как само собой разумеющееся.

Девушка шла, склонив голову, разыскивая какие-то только ей известные цветы, находила их и срывала. Это был сон. И ощущение его не проходило, а всё окружающее вокруг как бы резче проявило свои контуры, обозначив границу света и тени.

– Кто ты?

– Я? – спросила она. – Разве это так важно – кто я? Важнее, наверное, то, что ты встретил меня. Ведь так?

И она поглядела на меня снизу вверх тем ласковым, тёплым, нежным взглядом, который так тронул меня вначале. Она остановилась.

– Ты любишь лес? – и, не дожидаясь ответа, сказала: – Любишь. Я про тебя всё знаю. Ты очень устал. Но теперь всё позади. Сегодня мы вместе.

Она говорила тихо, едва шевеля губами. Это был сон, наваждение, но я этого ещё не осознавал.

– Давай будем идти и собирать цветы. Ты согласен?

И, не дожидаясь моего ответа, она пошла вперёд.

Солнце всё ниже и ниже опускалось за макушки деревьев. Вот и вечерняя роса уже появилась на траве. Края её длинного платья намокли. Мы вышли к озеру.

– Пошли искупаемся, – сказала она и первая, скинув свою одежду, встала на берегу. – Что же ты? Я жду тебя...

И она протянула мне руку. И это выглядело так просто и так естественно, что не вызвало и тени смущения у меня. Я поспешно разделся, подошёл к ней и взял её за руку. Мы вступили в тёплую, как парное молоко, воду, и стайки рыб, гревшихся у берега, разбежались прочь. Шаг, ещё шаг. Всё дальше и дальше уходили мы от берега. Идти было легко. Волны тихо плескались вокруг наших тел, очищая меня и смывая всю грязь, накопленную за эти годы. Вода коснулась подбородка. Девушка ещё крепче сжала мою руку.

– Не боишься? – спросила она.

И снова этот взгляд – ласковый, нежный, словно прозрачной, лёгкой тканью накрывающий мой разум; и тепло её руки, которое как бы проникает в меня через кончики пальцев, согревая и успокаивая, и я делаю этот последний шаг...

Круги на воде сомкнулись, и зеркальная гладь озера вновь приобрела свой первозданный вид, словно ничто не тревожило её чистоты. На траве одиноко лежали мужские брюки и рубашка. Солнце последний раз сверкнуло сквозь листву деревьев и окончательно скрылось, погрузив лес во тьму. Луна бледным одиноким фонарём повисла над озером, отражая в нём свой грустный лик. Где-то в глубине леса заухал филин, какая-то птица вскрикнула во сне. Лес наполнился ночными звуками и тенями.

– Вот мы и пришли, – сказала она.

Мы стояли на берегу озера среди света и теней вечернего леса. Но это был другой лес, другое озеро. Была какая-то неуловимая разница между тем, что было тогда, и тем, что было сейчас. Несмотря на свою похожесть, всё почему-то казалось чужим, незнакомым. Чувства обострились. Но удивительно было то, что я не чувствовал тревоги, а наоборот, ощутил разлитую вокруг себя любовь.

– Где я?

– Ты у меня дома.

– Кто ты?

– А разве тебе это так важно? Я с тобой, и это, наверное, важнее, и я люблю тебя.

Она стояла обнажённая, в лучах заходящего солнца такая тонкая, гибкая. Казалось, солнце насквозь просвечивало её тело, и от этого оно излучало какой-то тёплый, словно лепестки роз, алый свет. Она поправила волосы рукой – и вновь этот взгляд, который уже не раз за сегодняшний вечер повергал меня в состояние сна и лёгкой эйфории.

– Ты хочешь вернуться?

– Нет.

– Я знаю.

– Откуда ты всё знаешь?

– Как-нибудь после, а сейчас обними меня. Я хочу быть рядом с тобой. Я хочу быть твоей.

Мы лежали на траве, я крепко прижимал её к себе, словно боялся потерять. Какой длинный вечер... Вот последние тени мелькнули, и тихая тёплая летняя ночь накрыла нас своим плащом. Лес погрузился в сон, и я тоже заснул, поддавшись всеобщему чувству покоя и неги, ощущая сквозь

сон тепло её тела, слыша стук её сердца. Она спала, доверчиво прижавшись ко мне. Вокруг царили мир и любовь. А мы лежали, обнажённые, в траве, словно Адам и Ева в зелёной колыбели природы, и казалось, никто и ничто не сможет потревожить наш сон.

Проснулся я от острого чувства тревоги. Она спала рядом, доверчиво положив свою голову мне на плечо.

Что-то неуловимо изменилось вокруг. Сквозящее чувство надвигающейся беды стало проникать внутрь. Я осторожно приподнял голову и увидел вдалеке, в прозрачном лунном свете дорогу, которую не замечал прежде. Расстояние было большое, да и неверный свет луны искажал все предметы. На дороге происходило какое-то движение. Но кто или что это было, я не мог разобрать, как ни напрягал своё зрение. Кто-то или что-то переместилось до видимого конца дороги и скрылось за деревьями. Чувство опасности и тревоги не покидало меня, и я разбудил девушку.

– Что, милый?

– Я что-то видел.

– Где?

– Вон там, на дороге, но я не смог хорошо рассмотреть. Кажется, человек, а может быть несколько. Не могу точно сказать.

По её лицу пробежала тень.

– Тебе пора возвращаться назад. И чем быстрее, тем лучше. Я хочу, чтобы ты жил.

Она встала, взяла меня за руку, помогая подняться, и быстро, почти бегом, повела за собой. Луна освещала нам путь, ветки хлестали по лицу, а мы всё дальше и дальше уходили от дороги, от той поляны, на которой я впервые почувствовал себя таким счастливым, как никогда не был за всю свою прошлую жизнь. Вот мы вышли к берегу лесного озера. Она остановилась.

– Милый, мы пришли. Обними и поцелуй меня.

Но в ответ я взял её на руки и вошёл в воду.

– Глупенький, – сказала она и, доверчиво прижавшись ко мне, затихла.

Вода сомкнулась над нашими головами, и только круги указывали место, где это произошло.

Я вновь стоял на берегу. Но мои руки держали пустоту, в то же время ощущая, прижимая к своей груди что-то реальное и физически ощутимое. Руки чувствовали тяжесть только что бывшего в их объятиях живого тёплого женского тела. Я смотрел на них и не верил в их пустоту. Медленно, нехотя, я опустил их, до конца не осознавая, что же такое произошло со мной.

Капли воды стекали по ладоням вниз, мерно стуча по воде, словно досчитывая последние мгновения времени счастья, дарованного мне судьбой. Подул свежий утренний ветер; я ощутил его прохладу кожей своего тела и, увидав на траве перед собой одежду, стал механически одеваться.

В этот миг я совершенно не ощущал себя в окружающем меня мире, но утренний ветерок, овеивая своим свежим дыханием мою голову, рассеял последние остатки душевного покоя и счастья от происшедшего сегодняшней ночью. И тут мысль о потере её для меня навсегда безжалостным острым клинком пронзила мой мозг, всё моё существо. И я ощутил это так болезненно ясно, что, не выдержав этой боли, застонал и упал на траву.

Очнулся я в избушке на лежаке, заботливо укрытый старым лоскутным одеялом. За столом сидел старичок благообразной внешности с длинной седой бородой. Он ел суп из глиняной миски, черпая его деревянной ложкой. Вот он не торопясь доел его и, подняв глаза от миски, встретился с моим взглядом.

– Ну наконец-то, – произнёс он. – А то уж я начал волноваться. Что же ты, мил человек, не зная броду, лезешь в воду?

– Где она?

– Это ты про кого?

– Где девушка, которая была здесь?

– А-а-а, вон ты про что. Значит, и тебе удалось повидать её. Ладно, давай вставай, тут у меня ушица знатная, а потом и поговорим.

Дед налил мне полную до краёв миску уха, положил рядом деревянную ложку и, развернув чистую тряпицу, подвинул мне початый каравай хлеба. Почувствовав сильный голод, я не стал ждать дополнительного приглашения и, усевшись за стол, начал жадно есть.

Уха была густая, жирная и очень вкусная. Я поглощал её, словно не ел по крайней мере неделю, и постепенно силы возвращались ко мне. Старичок смотрел на меня с интересом и только время от времени подвигал ко мне очередной отрезанный кусок хлеба.

– Ну, жить будешь. Значит, пожалела она тебя. Мил ты ей показался. Хотя, разобраться, что это за жизнь: душу-то забрала, а жизнь оставила. Я ведь тоже с ней встречался. Давно, правда, это было, да вот с тех самых пор так и не нашёл покоя. Всё тянет меня сюда, к ней. И не уехать мне от неё никуда, не уйти. Держит, за самое нутро держит она меня.

А потом мы сидели на ступеньках крыльца и курили.

– А я уж хотел за людьми идти, а потом думаю: мужик молодой – выдюжит. Рад, что не ошибся.

– А какое сегодня число? – словно предчувствуя что-то, спросил я.

– Дак двадцатое, сынок, двадцатое августа.

– Не может быть! Ровно месяц?

– Может, мил человек, может. Радуйся, что ещё живой выплыл. Тут давеча, в том году, двое с концами сгнули. Так и пропали. Лишь одёжка их на берегу и осталась. А дно тут топкое. Местами как в болото затягивает. Да ещё омут тут знаменитый – Маришкин. Так и называется он. Ох и глубокий! До дна раз пытался достать, да так и не достал. Люди поговаривают: Маришка балует. Кто его знает? Укромное это место. Иной раз даже я сюда не могу дорогу найти. Ходишь-ходишь, плутаешь-плутаешь, а словно что-то не пускает тебя, и всё тут. Всё вокруг да около ходишь. Так и вернёшься в деревню ни с чем. Только заметил, что вот после этого и появляется на берегу чья-нибудь одежда.

Так и тебя стерёг. Примета верная: если Маришка не пускает к себе, значит, опять с кем-то балуется. Тут уж я держу ухо востро. Сразу, как допустит к себе, бегом бегу. Некоторым удавалось помочь, а кому и нет. Круто она обходится с теми, кто ей не глянется. Прошлым летом одного так и пришлось в больницу отправить. Совсем тронулся парень. Только сидит на берегу и смотрит так печально да жалостливо в воду, что аж у меня слезу прошибло, глядя на него. Я его, как малого ребёнка, всю дорогу за руку вёл, а он всё оглядывался назад и плакал. А взгляд у него до того жалостливый, что и я всё сердце изорвал, пока его уводил от омута.

Я понимаю, конечно, а что сделаешь? Любовь – штука сурьезная. Её не всякий может выдержать да на сердце принять. Воз-то вон какой, а силёшки-то совсем маленькие; вот и надорвался, сердешный. Но вдругорядь сюда уж никто не попадает. Не пускает она никого, кроме меня. Я у неё вроде сторожа приставлен. Каждому своё. Ну что, сынок, давай собираться. Тут недалече.

Во время нашего разговора какое-то решение зрело в моей голове. Я не гнал его от себя, позволяя до конца оформиться и созреть. И вот, уже полностью одевшись и закинув рюкзак за плечи, я ясно понял, что должен теперь делать. Мы вышли из избушки, спустились по ступенькам вниз, и я сразу же повернул к озеру.

– Ты куда, милоч?! Пойжди! Нельзя туда!

Но я молча шёл туда, к ней. Я видел её лицо перед собой, её улыбку, глаза, ставшие для меня такими дорогими, и её тело с упругой молодой грудью, бархатистой кожей, покрытой капельками росы, излучающее розовое, тёплое, нежное сияние, и не мог остановиться. Решение окончательно созрело и оформилось у меня в голове, и менять его я не хотел, да и не в силах был это сделать. Я шёл к своей любви, которую не раз видел в мечтах и снах, и никто и ничто не могло остановить меня на этом пути.

– Стой! Не примет она! Назад! Утопнешь!

Дед догнал меня и схватил за руку. Но я лишь отмахнулся от него, как от надоедливой мухи, и шагнул в воду. Я стал, как и тогда, медленно погружаться в прохладную глубину озера. Мне казалось, что вода затягивает меня, расступается, как бы приглашая в своё царство. Она обнимала меня, словно это были Маришкины руки, и я чувствовал себя вновь в её объятиях. Я взглянул в воду прямо перед собой, и там в глубине увидел её лицо и глаза. Её губы шептали мне что-то. Она звала меня к себе, манила. Я был уже рядом, совсем рядом. Мы сделали последний шаг навстречу друг другу и протянули руки. И в то же мгновение кончиками пальцев я ощутил упругость её молодого горячего тела. Я обнял её, прижал к себе, и наши губы слились в долгом, длиною во всю оставшуюся мою жизнь поцелуе.

18.. год

Много воды утекло с тех пор. Вот и я, сменив в своё время дедушку Поликарпа, состарился на берегу этого тихого лесного озера. Так всю жизнь и прожил один. Ты скажешь, зря жизнь прошла. Нет. Не зря. Если бы мне сейчас вернуть всё назад, я бы вновь поступил в точности так же, как и тогда. Всего-то и были мы с ней вместе второй раз один годочек, но пролетел он, как один день, а счастья, которое я испытал за то время, хватило мне с лихвой на всю оставшуюся жизнь.

19.. год

Я уходил от лесного озера, от Маришкиного омута, и оглядываясь назад, видел седого, как лунь, старика, сидевшего на брёвнышке на берегу и гревшегося в лучах заходящего солнца. Я вспоминал его глаза, в которых было столько счастья, покоя, умиротворённости и мудрости от познания настоящей, сильной любви, что я завидовал ему белой завистью. Мне не суждено было этого испытать, хотя я и плавал, и нырял в прохладную глубину этого озера.

Лес кончился. Показалась деревня. Рейсовый автобус уже поджидал меня на остановке, чтобы увезти навсегда от волшебной голубизны глаз Маришкиного омута, в которых мне так и не суждено было утонуть.

2000 год